

*85-летию со дня рождения русского писателя
Виктора Ивановича Лихоносова*

В.И. Лихоносов в кабинете журнала «Родная Кубань»

Стою на улице Озёрной и смотрю на маленький ко-
собокий домик – здесь, в бывшей новосибирской
слободке Кривощёково, рос, познавая привольный сибирский
мир, открытые сердца сибиряков и говор простого народа,

будущий писатель, обладатель многих премий по литературе. Здесь мальчик Витя играл со своими сверстниками в «казаки-разбойники», здесь, на приусадебном клочке земли, помогал своей матушке выращивать овощи. В одиночестве ожидал её, выглядывая в окно, когда же матушка приедет с поля, где она ухаживала за картошкой – основной пищей в те военные времена. Обычное босоное детство, разве что вторгались в него беспокоящие и зовущие куда-то паровозные гудки со станции Кривощёково да перестук колёс Транссибирской магистрали и более протяжные, низкие – паровозов соседней Оби...

Вот я и думаю: какое же плодородие земли и её энергетика взрастили будущего мастера слова? Какую правду-матку говорили мать с отцом, какой такой правде жизни наставляли, что он научился писать и доносить читателю столько чувств и смысла в своих словах, которые словно музыку впитываешь? Вот только недолго отец жил с ними – погиб на фронте...

В начале Озёрной стоят два старых тополя с прореженной кроной, возрастом, вероятно, таким же, как повзрослевший, а потом и умудрённый Виктор Иванович – не скажешь уж «Витя» иль «Витёк» матёрому писателю, автору многих замечательных книг. Раньше улица опускалась к болоту, а с того времени, как уехал юноша Виктор в коренную Россию, много вешней воды утекло в него. Да и болота, после отсыпки дороги, уже нет – понастроили здесь высокие, многоквартирные дома. Теперь не слышно паровозных гудков – исчезли паровозы, канули в Лету, не слышно перестука колёсных пар с железной дороги – дома поглощают звук. Скоро не будет и улицы с покосившимися, приземистыми избушками, стариков, ещё помнящих семью Лихоносовых, матушку Татьяну и её любимца Витю.

У домика, напротив «лихоносовского», откидывала снег от калитки старенькая женщина. Время и тяготы жизни согнули ей спину. Подошёл и спросил бабушку:

– Здравствуйте! Как Вас звать?

– И Вам доброго здоровья, а зовут меня Евдокия Андреевна Минтюкова.

– Скажите, пожалуйста, Вы помните семью Лихоносых?

– Как не помнить? Вон в том домике поперва они жили. Года три назад приезжал сюда сын Татьяны – Виктор, говорят, знаменитый писатель стал. Он всё печалился о своей матушке и прошлом. Разговаривал с нами, расспрашивал, кто из соседей остался ещё жить здесь, а кто и ушёл в мир иной, как мы жили после его отъезда?

– А Вы читали его книги?

– Я не читала, а вот дочка и внуки хвалили его. Говорили, что пишет душевно, как есть.

– А как жили Лихоносовы?

– Так, как и все. Тяжеловато было, но никто не жаловался.

– А в какой школе учился Витя?

– Сперва мы учились в шестьдесят седьмой школе, а потом в семьдесят третьей, на улице Котовского.

– Доброго здоровья, Евдокия Андреевна, и долгих лет жизни.

Иду в школу № 73 имени Героя Советского Союза Николая Плахотного. Находится она на углу улиц Котовского и Станиславского, построена крепко, основательно из кирпича и в три этажа – на века. Капитан Плахотный учился в этой же школе. Район с улицами Котовского и Станиславского раньше называли «соцгородом». Попасть в него из центральной части Новосибирска можно было на передаче (пригородном поезде) или трамвае, через поля, засеянные хлебом, и то – после строительства коммунального моста через Обь.

В школе встретила меня директор Галина Ефимовна Долгих, собиратель и оберегатель памяти о знаменитых учениках

школы. Помогает ей в этом заведующая музеем Валентина Михайловна Ребикова. Любая школа будет гордиться таким выпускником, как Лихоносов, а здесь сразу три талантливых птенца, взлетевших высоко. В музее есть альбомы, посвящённые жизни знаменитых учеников, проводятся семинары по книгам Лихоносова. Мне дали статью для газеты, написанную ученицей школы, к восьмидесятилетнему юбилею Виктора Ивановича. Узнав, что я переписываюсь с ним, попросили несколько писем, написанных его рукой.

В одном классе школы № 73 учились три друга: Витя Лихоносов, Юра Назаров и Эрик Малыгин. По получении аттестата зрелости они вместе поехали поступать в московские институты, покорять мир. Эрика Малыгина с аналитическо-математическим складом ума друзья благословили на поступление в Менделеевский химико-технологический институт. Юра выбрал себе артистическую карьеру, и Витя решил последовать за другом, с которым сидел за одной партой.

Артист из Вити не получился. И хорошо! Он нашёл себя в другом творчестве. Все три друга добились вершин, каждый в своей профессии – Эрик стал академиком в микробиологии и лауреатом Ленинской премии, Юра – любимым Народным артистом России, а Витя – лауреатом Государственной премии России, Международной премии имени Шолохова, первой Международной премии «Ясная Поляна», Большой премии России в области литературы и многих других. Недаром Виктор Иванович говорит: «Литература – это моё счастье».

Первый же рассказ Виктора Ивановича в журнале «Новый мир» обратил на себя внимание А.Т. Твардовского и многих читателей – раньше журнал такого уровня зачитывали до дыр. С молодых лет и до сих пор сотрудничает с ним журнал «Наш современник». Вскоре в Москве, Новосибирске, Краснодаре увидели свет повести, очерки и рассказы – «Вечера», «Что-

то будет», «Голоса в тишине», «Чалдонки». О «Чалдонках» надо сказать отдельно.

В девятнадцать лет студента Виктора Лихоносова отправляют на уборку урожая в Северный район Новосибирской области. Там он впервые увидел колхозную деревню, жизнь сельской молодежи. В результате его поездки появилась повесть о жителях деревни Ургуль. Прототип одной из героинь (Онька) проживает там до сих пор. Автор этих строк тоже жил в Ургуле и был соседом героини повести «Чалдонки». Мне было четырнадцать лет, и, возможно, мы где-то пересекались с Виктором, студентом, помогающим убирать урожай, но возраст разный, и наше знакомство отложилось на пятьдесят восемь лет. А вот по книгам он знаком мне давно. Повесть «Чалдонки» я прочёл дома на каникулах, когда был студентом. С тех пор писатель Лихоносов становится моим любимым автором, и не только потому, что написал о моей деревне. Раскрытие внутреннего мира героев, переживания, чувства людей сибирской глуши он передал так, как будто жил там всегда. Этой повестью он разбудил интерес к литературе и в нашей деревне, расположенной среди болот Васюганья. Долго обсуждали жители деревень Ургуль и Остяцк его повесть, узнавая себя под вымышленными именами. А не потому ли я позднее взялся за бытописание деревеньки в родной глуши...

На взлёте своей популярности в 1978 году Виктор Иванович неожиданно замолкает. Только не бросил он занятие литературой, как, может быть, кому-то казалось. В 1986 году появляется его книга «Не написанные воспоминания. Наш маленький Париж». Скрупулезное изучение истории казачества, их быта, речи, военных походов, службы в конвое Его Императорского Величества заняли много времени. В романе описана жизнь Кубанского казачества от времён императрицы

Екатерины II до семидесятых годов двадцатого века. Книга большая, на шестьсот страниц, из пяти частей, разбитых по времени и темам. Читается легко, с интересом – заслуженно Виктору Ивановичу присудили за роман Государственную премию России.

Название романа становится понятным, прочитав вот эти строки: *«Что было в этом? Шутка? Злословие? Простодушное квасное настроение – так взлелеять свой отчий угол, чтобы легче его любить? И не обронил ли те слова господин, который Парижа никогда не видел, но ему уже одни названия гостиниц и погребков внушали форс? Малы у базаров и по улицам зашарпанные гостиницы, но сколько внушительности в вывесках, и на какую заморскую жизнь они замахнулись: «Франция», «Нью-Йорк», «Тулон», «Трапезонд», «Венеция», «Константинополь»! Вноси тюки, чемоданы, живи у нас, сколько хочешь. И всё прочее в Екатеринодаре как в далёком Париже чуть на особицу, на свой южный казачий лад. Там, в Париже, площади, памятники и дворцы? Не отстали и мы...»*

Многие писатели говорили о Лихоносове, как о талантливом мастере слова: Александр Твардовский, Юрий Казаков, Виктор Астафьев, Валентин Распутин, Пётр Дедов, Олег Михайлов, Георгий Адамович (Париж). За переписку с Георгием Адамовичем Виктор Лихоносов надолго становится невыездным.

Валентин Распутин писал о романе «Не написанные воспоминания. Наш маленький Париж»: *«Если наша литература, как мы говорим и как оно и есть на самом деле, – литература памяти, то с этой книгой, в неё добавляется сейчас одно из интереснейших произведений».*

И ещё одно признание: *«Люблю его светло. Я люблю его не только душой, но и его прозу, люблю его книги. Ведь кроме*

«Осени в Тамани» у него есть ещё «Люблю тебя светло», о есенинских местах, «Элегия» о пушкинских местах и многие рассказы. Это писатель такого дивного, такого чистого проникновенного письма. Иван Бунин, Юрий Казаков и Виктор Лихоносов и только они в русской литературе, обладающие таким письмом. Больше, пожалуй, и назвать некого».

Что тут можно добавить? Распутин сказал главное, то, за что мы любим Виктора Ивановича. Перечитываю который уже раз его очерки, повести, эссе и всегда думаю: как же он может лепить из простых, всем известных слов что-то невообразимо прекрасное, собирает слова, как бусинки и нанизывает их на нить сюжета! Он, как скульптор, отсекает всё лишнее и оставляет шедевр. Вроде бы, и знаешь все слова, но их сочетание дают ту прелесть восприятия и думы, думы...

Невольно возникает вопрос: кто я и зачем пришёл в этот мир? Разрушитель или оберегатель природы? В его письме мы видим лиризм отношений между героями, глубокие психологические переживания, красоту природы и любовь. Его письмо не спутаешь ни с кем.

Не зря Виктор Астафьев писал о нём: *«Виктору Лихоносову удалось невозможное – слить воедино слово и музыку, грусть и восторг, гордость и скорбь, жгучую современность и не менее жгучий исторический материал».*

Очень ценил книги Виктора Лихоносова композитор Свиридов, а особо любимой была «Элегия»...

«За учителем вошли в эту комнату три родные сестры, чистенькие, седенькие, интеллигентные. Не встречали вы случайно в Тригорском людей, которым всё прежде было особенно близким? Они свободно читали на корочках названия французских романов, они не нуждались в комментариях экскурсовода, в этих бумажках под стеклом, копиях писем,

стихов, ничего не писали в книге отзывов, – в книге, где на удивление мало человеческих слов...

Зато они долго стояли, склонившись к нескольким заветным томикам Прасковьи Осиповой, к шкатулке, в которой хозяйка берегла письма поэта. «Вот что осталось от счастливого времени моей жизни», – начертала она внутри шкатулки своей доброй рукой. Бесконечно повторяя её слова, учитель с «Русским вестником» в руках вышел на заднее крыльцо и побрел в поле, на копны свежего душистого сена...

И долго он лежал под копной, совершенно расстроенный, печально-счастливый, не имея никакого желания подниматься, да и вообще уезжать отсюда...

Я видел его издалека, когда шёл от уединенного дуба. Потом мелькала его голова меж деревьев городища Воронич; возле могил Осиповых-Вульф с ним ходила девушка в тёмных брючках».

Виктор Иванович – истинный художник слова, способный передать настроение природы, её сопричастность к переживаниям души – «Элегия» об имении Осиповых Тригорское.

Читая повесть, мы чувствуем, что даже неожиданный дождь или вечерний мягкий свет пронизывают нас грустью об ушедшем времени, о Пушкине...

По переписке с Лихоносовым знаю: печалится душа Виктора Ивановича о русской литературе, потому возмущается его сознание от прошедших мероприятий «Года литературы». Вот что пишет он о чиновничьем отношении к литературе: «ГОД ЛИТЕРАТУРЫ не осуществился, не удался потому, что так называемые властные структуры и все платные службы забыли о нём тотчас после президентского указа, а сама литературная среда не знала, как с этим государственным брендом обойтись, и продолжала жить, как всегда: кто в лес, кто по дрова.

Зачем был устроен этот ГОД ЛИТЕРАТУРЫ? – спрашивает обиженная душа благодарных русских читателей, которые ждали пользы и новостей, и писателей, понадеявшихся на какое-то (вдруг!) внимание государства и помощь.

Но всё ограничилось мероприятиями, знакомыми ещё по советским временам...»

Он критически смотрит и на «белую» и на «красную» правду, да и на казачью Кубань, а за одно и на интеллигенцию от искусства, потому и пишет:

– Почему среди этнических русских всё меньше и реже вижу... русских по духу? Почему они как бы иностранцы? Что-то в самом деле случилось с ними, и переее всего – с нашей интеллигенцией, на Кубани это заметно особенно.

Собрал Виктор Иванович богатый материал по истории кубанского казачества, воспоминания казаков – то величавых и гордых, то горьких, то семейно-трогательных. Здесь воспоминания плеяды самородков из станицы Ахтанизовской, повествование Кузьмы Катаенко о детстве. Или рассказы о Тимофее Ящике из станицы Новоминской – камер-казачке императрицы Марии Фёдоровны, который в гражданскую войну привёз спасать на Кубань великую княгиню Ольгу Александровну. Много записал он историй про страдальцев, покинувших Кубань. Набралось различных воспоминаний на полторы тысячи страниц ЗАВЕТНОЙ КНИГИ, но нет среди богатеев казачества меценатов типа Саввы Морозова, Мамонтова или Третьякова.

А ведь вклад В.И. Лихоносова в духовное и литературное наследие Кубани и России отметило ЮНЕСКО. Он удостоен диплома конкурса «Культура и искусство», проводимого ЮНЕСКО и Оксфордской образовательной сетью. В укор нашим скаредным богатеям приведу здесь и похвальные строки великого поэта и редактора журнала «Новый мир»

А.Т. Твардовского, оставленные им в своей «Рабочей тетради» 14 сентября 1968 года.

«Встал до 4-х, пил кофе, курил... Стал читать Лихоносова и до конца не мог оторваться. Какой молодец! С любовью, с нежностью и болью пишет ту низовую, окраинную жизнь, жизнь «с коровы», с базара, с огорода, с пенсий, жизнь, которую не принято ни фотографировать, ни «отражать» в очерках, жизнь без «роли парторганизации», без всякого такого – саму по себе, со всеми отчаянными хлопотами, напряжением, муками, безысходностью – послевоенная жизнь миллионов. Нет, этого уже не заставишь «сообщать», дозировать «светлое» и «тёмное», приплетать «руководящую роль там, где её попросту нет».*

С болью в сердце читаешь в письмах Виктора Ивановича о том, что власть предрержащие на Кубани не помогают ему в издании художественно-исторического журнала «Родная Кубань», уже собрались вместо него заняться созданием нового издания с «другой концепцией». Нет интереса к делам казачества у власти и, что самое прискорбное, атаманов Кубани – ряженных казаков.

В постперестроечное время не поступают его книги в библиотеки, на книжные прилавки. А вот даже в отдалённых уголках страны полно Тополей, Донцовых, Вильмонт, но не мастера слова Лихоносова. Мастера, внимательного к жизни народа в прошлом, настоящем и будущем, болеющего душой за всё, что происходит в стране и литературе, в частности. Как же воспитывать молодое поколение на бульварной литературе, где секс и убийства чередуются из книги в книгу? Поднять низменные чувства в человеке ума не надо, а вот воспитать доброе, светлое, полное любви к своей стране, своему народу

* В. Лихоносов. «На улице Широкой». – «Новый мир», 1968. – № 8. В книге полный вариант назывался «На долгу память».

требуются годы. А всего этого у дельцов от литературы нет. В отличие от них наш дорогой юбиляр Виктор Иванович Лихоносов давно и крепко стоит в рядах патриотически настроенных русских писателей. Он продолжает плодотворно работать над словом, и мы, сибиряки, увидели его новую работу в журнале «Сибирские огни». Вот только приходится ему, как и всем честным писателям России, ходить с протянутой рукой, чтобы выпустить очередной том своих работ.

Люблю его не только за проникновенное письмо, а и за душевную теплоту к людям, его работу с начинающими писателями и удивляюсь его терпимости и любви к молодым, пробующим своё перо, талантам. Он никогда не правит написанное тобой произведение, но скажет: *«Раскрой эту тему шире, и добавь прямой крестьянской речи, и оживи повествование»*. Вот строки из его письма ко мне с пожеланиями: *«Дневник Ваш меня покори́л, написано хорошо, просто, одним дыханием. Покори́ли и влечение скрýться в природе, не боя́знь оста́ться наедине с глухим миром.*

Так же тихо, ненатужливо вспоминайте Ургуль, Остяцк, соседей, парней и девчат».

Мне удалось познакомиться с его новой повестью **«Позднее послесловие»** до публикации в журнале **«Сибирские огни»** – помогло личное доверительное знакомство, боюсь назвать дружба, кто он в литературе и кто я – так и перечитал повесть в четвёртый раз. С какой же грустью вспоминает он наши деревеньки, людей в них, как душа его томится по судьбам своих героинь. Крепкой занозой в сердце засело на долгие годы короткое знакомство с нашей ургульской красавицей Верой (Клава Шишкина), что по его просьбе я разыскивал, где живёт Вера из его юности. По его словам, я чувствую, что крепкое, незабываемое чувство сидит в нём до сих пор, он просит съездить к ней и написать всё подробно, да и она

помнит студента, впоследствии ставшего писателем. Я на- смелился сказать, что её Виктор Иванович помнит и любит до сих пор...

На что она с трудом уже ответила: «Всё, отлюбились...»

Вскоре Клава Шишкина, наша героиня повести с непростой судьбой, отошла в мир иной. В память о той, кого помнит такой писатель, я хочу подарить его повесть дочерям Клавы, чтобы знали, какой была их мать.

Ездил я и в деревню Ургуль к Оньке, встречался с ней, и плакала она на моём плече, радуясь встрече с соседом из её прежней и молодой жизни. Сердится на Виктора Ивановича, что изобразил её уступчивой, каковой она не была. Сколько ни объяснял, что писателю иногда надо показать разные ха- рактеры, чтобы оживить произведение, что другие согласны и не на такое описание, чтобы войти в историю. Не смирилась соседка, осталась обиженной, кстати, единственная на обе деревни – Ургуль и Остяцк. Задумал я, если позволит здоро- вье, съездить с презентацией последних книг и попросить у Оньки вязаный коврик, который ему так хотелось получить – мне она не откажет.

Чем старше становишься, тем незабвенно пронзительнее чувствуешь прошедшую молодость в дальней деревеньке с её лесами и болотами, множеством озёр, крутобокой Тарой, по- терю друзей и соседей. Всё исчезает: старые жители умирают, молодежь стремится в город, озёра мелеют, зарастают травой и теряются в природе вообще, поля покрываются всходами березняка вместо хлебов, дома разваливаются либо стоят с пустыми глазницами окон, даже в Таре исчезли белые пески – постарались нефтяники.

Живёт Виктор Иванович в Краснодаре, но не забывает си- бирскую землю и много пишет о ней, её природе, людях, обе- регающих и приумножающих богатства края. В телефонных

разговорах и письмах от него я вижу, как рвётся его душа в родной край, но годы, а с ними и здоровье держат на месте.

Читая произведения Виктора Лихоносова, чувствуешь, сколько трогательного, существенного, истинно народного находишь в его строчках. Он описывал то послевоенную народную, деревенскую жизнь, то казачество с его бедой, принесённой Гражданской войной, то пушкинские и лермонтовские места, и везде его чуткое, душевное, исходящее от сердца письмо.

Доброго здоровья, Виктор Иванович, и плодотворного творчества!

Апрель–июнь 2016 года

